

Алексей Дьячков

Короткое лето

СТИХИ

Алексей Дьячков

Короткое лето. Стихи

«Издательские решения»

Дьячков А.

Короткое лето. Стихи / А. Дьячков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853458-4

Для Алексея Дьячкова характерна предельная простота в выборе слов и их организации. Однако, это не отказ от работы с языком — напротив, это работа в направлении поэтической апофатки, предельные формы которой дали опять-таки авангардисты. В этом напряжении между потребностью высказаться, с одной стороны, и невозможностью высказывания, с другой, и рождается поэзия как компромисс между переживанием и необходимостью облечь его в слова. (Полина Щекина — «И нет нежизни»)

ISBN 978-5-44-853458-4

© Дьячков А.

© Издательские решения

Содержание

«Я вечер, как жертву, тебе приношу...»	6
Четверг	7
Бухта	8
Замес	9
Космос	10
Тихон	11
Лета	12
Тема	13
Андрей	14
Проводы	15
Пенелопа	16
«Допивая бутылку воды...»	17
Праздник	18
Сумерки	19
«В которой потерянных душ миллион...»	20
Двоюродная сестра	21
Нумизматика	22
Таня	23
Изразцы	24
Пират	25
Перед снегом	26
Ягодка	27
Маша-Мария	28
Четвертая полоса	29
Папа не приехал	30
Воронка	31
Капельница	32
Возвращение	33
Милости	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Короткое лето Стихи

Алексей Дьячков

© Алексей Дьячков, 2017

ISBN 978-5-4485-3458-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я вечер, как жертву, тебе приношу...»

Я вечер, как жертву, тебе приношу,
Вхожу, как в жилище, в огонь.
Уже с позолотой исчез абажур,
И медленно тает ладонь.

Без кресел пропали в потемках углы,
Не вышел из озера лес,
И пух тополиный, что медленно плыл,
Подсвеченный солнцем, исчез.

Короткая память, платформа, вокзал,
Ларек с веткой вербы внутри.
Еще я один узелок развязал,
Осталось от силы два-три.

Закатная дрема берет не свое,
И тело тепло не хранит.
Во тьме репродуктор о счастье поет,
С тобой обо мне говорит.

Четверг

Рейку к штакетнику не приколачивал,
Воду в бассейн не качал,
Ключ потерял потому что от дачи я
В зарослях возле ручья.

Сунув под голову скатанный валиком
Плащ, подремал от души,
И, сполоснув под струей умывальника
Руки, назад поспешил.

Сторожа будка. От ветки акации
Не напрямик – через луг,
Новой дорогой шагая до станции
Длинный выписывал крюк.

Свой черновик графоман перелистывал,
Уединившись от дел, —
Клевер, сурепки народ малочисленный,
Мята, чабрец, чистотел.

Солнечным лесом с сосной корабельною,
Вымахавшей лебедой
Шел вдоль реки по высокому берегу.
Пыльной заросшей тропой.

Не одиноко, не скучно, не боязно
Было, пока через миг
Не оглушил проходящего поезда
Жуткий пронзительный крик.

Бор за развилкой, дорога привычная,
Кладбище, брошенный дом.
Долго сидел, ожидал электричку я
Там, на перроне пустом.

Долго молчал, на дорогу уставившись,
Рельсов разглядывал стык.
Птица угрюмая тюкала клавишей
В розовых ветках густых.

Бухта

И хоть музыка моря слышна иногда
То с надрывом прилива, то без, —
Не заметна полоска песка из окна,
И не виден совсем волнорез.
На последнюю мелочь вина наливай,
И, запнувшись на слове, молчи,
Ведь почти что такая же ждет синева,
Белый парус такой же почти.
За застиранной шторой взметнется костер,
Доведет белым дымом до слез.
Пусть давно снялся с якоря гипнотизер,
Но остался на память гипноз.
На кино сбор сердечный всю горечь отдал,
Но не вырос в поэму сюжет,
И поет впечатлительный не по годам
Серенаду моллюска поэт.

Замес

В сумерках лиловых, как варенье,
Или в темноте — одно из двух —
Поразил его масштаб творенья,
Так пронзил, что захватило дух.

Под кустом тщедушным на скамейке,
Смежив веки, он молчал тогда,
Мятый козырек затертой кепки
Сдвинув вверх задумчиво со лба.

Виделся в рисунке вен подробном
Лес ему. Как лист летит легко.
Звезды как раскладывает в ромбы
кто-то в темноте вокруг него.

Лес, как лес, но каждый лист отдельно,
Не расцветших крестиков архив.
Танец. — Хоровод, на самом деле.
И его попробуй не сморгни.

Тьма, как время, потекла обратно.
Все тропинки к детству повели.
Семена в светящихся облатках
Потянулись к дереву с земли.

В сумерках смородиновых, или
В темноте, тепло забывшей дня,
Плакал он над ягодой в давяльне,
Слезы торопливые ронял.

Космос

Ветер со́сны, как пленку, колеблет.
Встанем здесь, чтобы слышать прилив,
Чтоб на облако пялиться в небе,
Бадминтонный воланчик отбив.

День продолжится с места любого,
С чтения книги чужой, например.
Что безмолвствуешь? Где твое слово,
Потерявший флажок пионер?

В стороне от прополотых грядок
Хор, тебя вспоминая, грустит.
Приведем голоса в беспорядок,
О закате куплет пропустив.

Тьма своей не изменит привычке,
Притворится кустом, Игорьком.
Вспыхнет с треском во тьме сера спички
И в ладони нырнет огоньком.

Тихон

Пусть скажет нам зеркало наоборот
О страхах своими словами.
Для шторма есть несколько правильных нот
И скалы, что мы рисовали.
Нагонят испугу цари без голов,
Машин караваны на трассах,
И люди, бегущие из городов
В халатах и противогазах.
Не снегом, а пеплом, леса заметет.
И иго прокатится лихо.
Начало беда в лабиринте найдет,
Как эхо – амбарная книга.
Откуда трава в подворотне и пыль,
Задумавший хроники Плиний?
Нас выведет к свету какой поводырь
Из этой железной давилни?
Пусть будет стекать карамельный народ
К бесцветному драному стягу,
Тяжелая пайка пока не убьет
Отчаянного доходягу.

Лета

Брошь не украсят мои вензеля, —
Плащ поправляет Овидий.
В зеркало смотрит поэт на себя —
Тело обрюзгшее видит.

Поры, морщины, щетина, почти
Белый над темечком локон.
Прячут за треснувшей линзой очки
Хитрое, карее око.

Дряблая кожа, сухое мясо,
Нос, как гнилушка, помятый.
С лысины желтой сползли на лицо
Точки, пигментные пятна.

Века короткого грубый помол,
Крови рисунок подробный.
На переправе за что тут обол
Клянчить привычно Харону?

Ведь не за грубый рубец и ожог?
Ведь не за родинку? Разве
Что за тоскливые флейты, рожок
Гулкий, что сам себя дразнит!

Строгие гимны, торжественный стих,
Песни для черни и знати.
Боги великие, кто ты из них?
Равновеликий создатель!

Грусть вековая, тоска без причин,
Слово мое ждет ответа.
В соснах вечерних протяжно звучит
Светлая музыка лета.

Тема

Не Родина выжжено увеличительным
Стеклом на фанере ворот,
А бранное слово и кличка учителя,
Влепившего неуд за год.

Начало каникул, турбаза, товарищи,
На удочку пойманный лещ.
Не громкая речь, а сплошная татарщина,
Рекою пропахшая вещь.

Пейзаж полыхает с лосями и лисами,
Полоска посадки горит.
В стволах заблудился диктант недописанный,
Пастух распустил алфавит.

Бодается с грушей корова рогатая,
Багрянец окрасил бока.
Вот-вот расплзется полоска закатная,
Загад не бывает богат...

Ликует звезда над раскрывшимся куполом,
Отец вспоминает про чай,
И дедушка, очередную откупорив,
Отпил и умножил печаль.

Андрей

Говорят, но порою и время не лечит,
И любовь не спасает от новых разлук.
Но становятся жизнью привычные вещи,
И к словам возвращается искренний звук.

Собираясь в саду с каждым годом все реже,
Мы болтает о вычурном слоге твоём.
Выбираем из бежевой миски черешню,
И блестящие косточки в траву плюем.

Взяв высокую ноту, на пыльную землю
Опускаюсь устало и пробую жить.
Чтобы годы спустя, как мазнею музейной,
Долгим эхом тебя, друг мой, заморозить.

Разбираюсь теперь, и киваю послушно.
От утрат и ударов на сердце легко.
Погибая здесь, как на подлодке в воздушном
Пузыре, не жалею, что стал моряком.

Проводы

Прижимает дитя Богородица,
И святые в шеренгах стоят.
Кто теперь о тебе позаботиться?
Кто в печали утешит тебя?

Под сосной, что трясет электричеством,
Как потерянный мамой малыш,
Ты, запачканный глиной кладбищенской,
На скамеечке низкой сидишь.

Как капустниц оплакивал в лагере,
И никто успокоить не мог...
Расправляет крыло белым ангелом
Торопливой затяжки дымок.

Как на весельной лодке под песенку
Цеппелинов по скверу плывешь,
Дурачком улыбаясь не весело
Сам себе... Но не весь ты умрешь!

В лире ветреной ни утешения
Ни покоя душа не найдет.
Ливень белых царапин без шелеста
Как по свемовской пленке пройдет.

Пенелопа

Окружает меня тишина...
Денис Новиков

Прислонившись спиной к глухому забору,
Различаешь террасу со стопками книг.
Темнота, о тебе проявляя заботу,
Замирает на пыльных задворках твоих.

В окнах звякают стекла и чашки без чая,
И шуршат занавески, как волны реки,
Без запинки домашку тебе отвечая,
Блудный пасынок Рильке читает стихи.

Повторяет слова и, вздыхая не часто,
Вспоминает, как в море ходила гроза.
И притихшие в креслах своих домочадцы
От чтеца молодого отводят глаза.

Зерна каменный жернов смолот неужели?
Дождалась из похода героя жена?
Чтоб в ответе любом ты нашел утешенье,
Темнотой окружает тебя тишина.

«Допивая бутылку воды...»

Допивая бутылку воды,
Поднимал взгляд все выше и выше.
Шифер в трещинах, дым из трубы,
Разгоняемый ветром над крышей.

Полетевший из облака снег
Наполнял вдруг глазницы слезою.
И ослепший стоял человек
С запрокинутой вверх головою.

Пятна света, как души без тел,
Воздух в крестиках – детские тайны.
Первый снег торопливо летел
И не таял, не таял.
Не таял...

Праздник

Куда там! – Они улетели на елочку,
Пугая ровесников, взрослых смешая,
Чтоб папа в костюме их щелкнул на пленочный,
Достал Дед Мороз мандарин из мешка.

Пускай и тебе и сестричку и братика
Твои обещают в обед за борщом,
Пока не спешит за звездой космонавтика,
И клен разрастается больше еще.

Пока молоточки в раскрашенном ящике
По струнам натянутым весело бьют.
В посланье твоём, переписанном начисто,
Слова, как упрямые волны, бегут.

И кажется папе за сказками пьяными —
Притихла давно по углам детвора,
Со смехом попрятавшись под одеялами.
Уже задохнуться бояться пора!

Сумерки

Домой по нечетной шагал стороне,
Стоял на развилке, как витязь,
Сворачивал в узкую арку в стене,
Чтоб к музыке праздничной выйти.

Колодец с листвой поредевшей за раз,
На ветке грачи из последних.
Ударной мелодии хрупкий каркас
Выстраивал старый кассетник.

Так марш в темноте тяжело одолеть,
Не выбраться к свету из клетки.
В подъезде без лампочки кофе и нефть,
Сломали язык малолекти.

А выше – заря, и листва не видна.
Дрожит с отражением в створках
Пространство открытого настежь окна
С лиловой звездой на задворках.

«В которой потерянных душ миллион...»

В которой потерянных душ миллион
Порхает над высохшим мерзлым бельем,
Виденье отца на пороге
Счастливым дается не многим.

Чтоб с кашлем запущенным с губ сорвалось
На кухне пустой: Наконец-то сбылось
Взаправду, а не понарошку,
О чем так мечталось нам все что.

И тяжесть и выпуклость стылой земли.
Неискренний хохот приемной семьи.
От снега восторг ротозея
На белых ступенях музея.

Не помнить ни страх, ни отчаянный крик,
Ночным не разбужен составом старик.
Любви безответной румянец
И горе других неурядиц.

Чтоб выйти на лоджию, как на причал,
От двух-трех затяжек чтоб дым укачал,
К утру чтоб исчезли детали,
На счастье – как мы загадали.

Двоюродная сестра

Кривая ракета на детской площадке,
Забор покосившийся – рыжий, дощатый,
Качели, как нам обещали, кач-кач!
Створожилась жиденьких туч простокваша,
Пока моей мамы и бабушки нашей
Звучал из окна приоткрытого плач.

День пасмурный каром пугает вороньим,
А к вечеру маму твою похоронят,
Закроется папа на кухне один.
Что мама тебе напоследок сказала,
Шепни мне в тиши опустевшего зала,
Когда мы из кресел шалаш сгородим.

Из черной горбушки мы выберем мякоть.
Зачем мы смеемся, ведь ты должна плакать?
А я, обнимая тебя, ждать зимы.
Колотится сердце, а смерть, она, где же?
Пусть время нас вылечит, радость утешит.
Пусть мир обветшает, состаримся мы!

Старушку, которую мы не узнали,
Три четверти века спустя на вокзале
Ты встретишь без страха, старушка сама.
Притихшим студентам проямлишь: Алеша...
И смолкнешь с беззубой улыбкой, такой же
Открытой и светлой, как там... Как тогда.

Нумизматика

Много раз по самым разным поводам
Врал, что все нормально, все путем, —
На ж/д путях с провисшим проводом,
У оград с классическим литьем.

Под навесом набирал из ящика
Ягоды в застиранный пакет.
Скорый поезд, мимо проносящийся,
Отражался в лужах и ларьке.

В дальний путь – ответить было нечего.
В пальцах папиросу разминал.
Гвоздик выбирал и крошки с мелочью,
Разбирал, прищурясь, номинал.

И тогда и до сих пор не ясно мне —
Галька и песок в воде горят —
Чем разбитой чашки бок фаянсовый
Там, в ручье остановил мой взгляд.

Таня

Куда отец меня водил,
Студентки на пеньках грустят,
Бомж ошивается один —
Торчит из рукава культа.

Воспоминанье не сберечь,
Наш выходной не воссоздать —
Посадки не прямую речь
И ждущую к обеду мать.

Уборщицы кустарный труд
И облаков заметный брак,
В сентябрьской рыжей стружке пруд,
Зашкуренный до блеска парк.

Град обреченный на воде,
Дворец, разрушенный веслом,
Тебе перед дорогой где
Я написал без слов письмо.

Пустой конверт без речевой
Трухи, который потерял.
Еще я верю, ничего
Нет лучше, чем забыть тебя.

Изразцы

В любом углу сирень, ковры,
А к вечеру и тьма – персидская.
Карман с размякшими ирисками,
И хлеб торчит из кобуры.

В военном детстве высох пруд,
Лес черный заварился, выкипел,
И, доживая век во флигеле,
Старухи внуков берегут.

Кота там прячут от беды,
Тьма забрюхатила от сырости,
Там боль, которую не вынести,
Отрепетировали мы.

На родину под старость зим
Дорога служит нам наградой.
Темнеет, и рябит закатная
Посадка молодых осин.

Торсянина возьмет, когда
Он зарыдает: Неужели я..., —
От солнечного мельтешения
Водительская слепота.

Пират

Фото пленка, кадр из прошлого.
Старый пруд с застывшим буль.
Так мерцает свет в заброшенном
Тире сквозь следы от пуль.

Мелкий дождь штрихует заросли —
Мел, сангина, карандаш.
Снег на дно идет, как парусник,
Лужа – школьная гуашь.

Выйдет все, как не загадывал.
Отпуск, хутор, осень, глушь.
Счастье книжное, плакатное
Поплывет по блюдцам луж.

Жизнь пройдет, а день останется —
Снег на черной полосе.
В чем давно пора раскаться,
Позабудется совсем.

И, встревожив каракатицу
Чащи, полыхнет пожар.
В угол с грохотом закатится
От кровати спинки шар.

И сердечным серым дождиком,
Танцем водяных полос
На стекле в ночи продолжится,
Что едва не прервалось.

Перед снегом

Теперь ручей и мост из-за деревьев
Разросшихся на склоне не видны.
Ущербные от школьного деления
Совсем пропали солнечные дни.

Погасли в колесе уставшем спицы.
Двор отдыхает в сумерках от дел.
Нырнувшему под одеяло снится,
Что он, крутя педали, полетел.

Ни лай собаки, ни капель из крана,
Ни чей-то шепот не прервут полет.
Луч, преломленный гранями стакана,
Во тьму проема с кресла доползет...

Сожгут листву под мерный скрип калитки,
Но пепел не разворошит пострел.
От дряхлой одноклассницы открытки
Истлеют вместе с письмами в костре.

Ягодка

Слишком рано стал слезлив и вспыльчив,
Лгать, уединения искать,
Словно после школьных зуботычин,
С раздраженьем избегая мать.

Как-то стерлось быстро – как не пелось,
Как мычал, не в такт волне кивал,
Открывал в задумчивости термос,
Чай с малиной в крышку наливал.

Банный пар над строгим прудом в парке.
А в лесу овраг к зиме готов,
Преет лист, грибы сошли, но пахнет
Влажной почвой изо всех углов.

Старый дед, замерзшей ножкой дрыгай,
Дым пускай и пальчиком грози
Фурлюгану. Скоро станет книгой
Радужный на луже керосин,

Дерево, окно, урок готовый,
Арка, двор и прочий этот свет.
Небо, оставляет на котором
Самолет инверсионный след.

Маша-Мария

Не выходной, а плановый отгул,
Спалили день, запруду, перекаты,
Пансионат, где снег валил когда-то,
Где я тебе на камеру моргнул.
Блаженство дождь не грустный переждать
Под кровлей покосившейся сарая.
И эту осень упростить до рая,
Забыв сюда вернуться пожелать.
А дома луч сверкнет в струе воды,
И возгорится клен лиловый в тигле,
Чтоб чайник и фитиль в колонке стихли
Задолго до вечерней немоты.
Чтоб различил я мостика дугу,
Высокий берег, солнечную местность,
Уставившись на белую поверхность
Пустого холодильника в углу.

Четвертая полоса

Проводам и тряпью после стирки
Отдавая последнюю дань,
Я нечеткие делаю снимки
Колеи, убегаящей вдаль.

Вид из окон тосклив и заплакан,
Кредитор ранен видом таким.
Шелушащейся охрой посадка
Не спеша возвращает долги.

Крутит радио Листа в столовой,
Звук уходит в толпу, как в загул.
Слышно, как пианист крутолобый
Вдруг над клавиатурой вздохнул.

Снова улица, мятые лица.
Пешеход шепчет: Бог! – горячо.
В траву лист белый звякнул, как линза
Из дешевой оправы очков.

Папа не приехал

Я повторю, рассказывая другу,
Чем этот день особенный такой,
Тем, что по кругу бегаю на угол,
Готовый встретить, помахать рукой.

Но нет тебя – красавицы в обновке,
Веселый дачник курит на ходу,
Икарус, поскрипев на остановке,
Высаживает школьников толпу.

Меня не утешает пролетарий,
А сам себе бормочет: Все путем...
В музей, в кино, в Дом книги, в планетарий,
Потом еще куда-нибудь пойдём.

Ты ромовую бабу и причуду
Возьмешь мне в кафетерии пустом.
С листвою баржи по листве кочуют,
И суетятся лодки под мостом.

Встречая, мама нам махнет в окошке,
Расспросит: Как гуляли, были где?
За чаем алюминиевая ложка
Засветится в изломанной воде.

На бечеве мешочки с перламутром,
Слетит, просохнув, полиэтилен.
Мы до утра не будем спать, а утром
Билет поедем покупать тебе.

И тот состав, и гул, и долгий грохот,
Вокзального окна цветной овал,
Я только разговоры помню плохо —
Твой смех, твой голос, паузы, слова.

Мне правда, друг мой, нечего добавить.
Прозрачный день весенний, солнца дар.
Ничем о счастье не напомнит память,
Каким я так беспечно владел.

Воронка

Жизнь превращается в дожитие.
Дрожь рук – в воробышка, прыг-скок.
В многоэтажном общежитии
Вращаю свой калейдоскоп.

Вхожу в историю писателем,
В прозрачный потолок дыма.
На выжженном матрасе вмятину
От тела оставляю я.

Не видно горя с подоконника.
Цветные сумерки, и те
Ушли. Какая кинохроника
Моргает с треском в темноте?

Какая птица чистит перышки,
Выносит из квартиры сор,
Где кто-то складывает стеклышки
В персидский радужный узор.

Капельница

Сначала ветра, шелеста травы,
Прибоя звуки, гулкий вой муллы,
Посвистыванье мальчика монгольского,
Потом исчезли мамин крик: Домой!,
Тик-так из сказки, монотонный бой
И треск чешуекрылых в складках воздуха.

А в процедурной слышен вздох любой,
Осипший горн давно сыграл отбой.
Тьма по углам, и пыль сваялась войлоком.
При свете немерцающем таком
Еще родней под самым потолком
Окошко с расползающимся облаком.

Печально пустоту осознавать,
Покачиваться с облаком на ать-
Два! На себя смотреться полупьяного
Со стороны. На лес ресничный свой.
Гравюра по стеклу сухой иглой.
Источник напряжения постоянного.

Когда зарница вспыхнет в окнах всех,
И сучья обломает мокрый снег,
И тишина нависнет над бараками,
Сон, оборвавшись, выпустит меня,
И лишний день, как в Аврааме «а»,
Протянется, продолжится, покапает.

Возвращение

Никто не расслышал, а я разобрал,
Как клен в тупике отвечал за базар,
Как падала звонко монета,
И мучил гудок абонента.

В реке отражение Белёв потрошил,
Беляш на вокзале колхозник крошил,
И птицы шумели, пируя —
Ворона, воробышек, гуля.

А дома другая совсем тишина,
И я, витаминку мою прожевав,
Бродил у подъезда зачем-то,
Качался на детских качелях.

Страдания наши, больничный режим.
Скажи, почему я домой не спешил?
Болел, но светился от счастья —
Качался, качался, качался...

Милости

Зацвел забор, сирень в молочной пене.
В подъезде солнцем залиты ступени.
В квартире шум, на тесной кухне гам,
С грехом готовят завтрак пополам.

Соседский отпрыск – сгорбленный подросток —
Ладонью водит по шершавым доскам.
Вращает громкость – шорох, хор гудит.
Шипенье. Тишина. Ich ruf zu dir.

Из праха храм возносится пред нами.
Молю Тебя, услышь мои стенанья.
Как я запел, взмолился и замолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.